

Морис Домманже

История красного знамени во Франции с 4 сентября 1870 г. до Парижской Коммуны

Перевод *Нины Ильиничны Непомнящей*

Французский ежегодник 1964

М.: Наука. 1965. С.164-176

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2012

Седанская катастрофа, о которой полуофициально было сообщено вечером 2 сентября 1870 г., стала известна в парижских политических кругах 3-го числа. Реакция на нее населения начала обнаруживаться 3 сентября вечером. На бульварах возникали попытки восстания; во время одной из них, на бульваре Монмартр, демонстранты несли красное знамя, что означало серьезность положения. Знамя было отобрано полицией после настоящего боя¹.

На следующий день, когда толпа вторглась в зал заседаний Законодательного корпуса, захватив сначала трибуны для пубрики, она, возглавляя «Да здравствует Республика!»², размахивала еще трехцветным знаменем; на одной гравюре того времени изображены проходы, занятые манифестантами; один из них, в блузе, машет трехцветным знаменем, которое он держит в левой руке³. Но после того как под давлением народа империя была низложена, неизвестный, взобравшись на фронтон Бурбонского дворца, содрал синюю и белую полосы с трехцветного знамени, оставив лишь красную⁴. В этом смысле Жюль Симон был прав, утверждая, что на фронтоне Законодательного корпуса трехцветное знамя было заменено красным⁵. Что же касается трехцветного знамени на Тюильрийском дворце, то оно было приспущено, можно сказать, «как на сдающемся в плен корабле»⁶.

Повсюду продавались маленькие трехцветные флажки, явно изготовленные заранее, так как написанные на них цифры 180—213 должны были, вероятно, обозначать, с одной стороны, число депутатов, высказавшихся за республику, а с другой — общее число голосующих⁷. Колонну манифестантов, направившуюся от Законодательного корпуса к тюрьме Сент-Пелажи, куда она подошла в тот самый момент, когда был освобожден Анри Рошфор, возглавлял старик, несший огромное красное знамя. Именно из этого знамени, сорванного с древка, были изготовлены широкие шарфы, а из одного из них, под бурные аплодисменты толпы, сделана перевязь для знаменитого памфлетиста⁸.

¹ Histoire révolutionnaire contemporaine. Paris, 1879, 1ère partie, p. 255 (Déclaration de Pietri).

² Jules Claretie. Histoire de la Révolution de 1870—1871, t. I. Paris, 1875, p. 230.

³ «L'Illustration», septembre 1870.

⁴ Journal des Goncourt, éd. Flammarion — Fasquelle, t. IV, [1935], p. 18.

⁵ Jules Simon. Origine et chute du Second Empire. Paris, 1874, p. 405.

⁶ Jules Claretie. Op. cit., t. I, p. 232.

⁷ Jules Simon. Op. cit., p. 405.

⁸ Olivier Pain. Henri Rochefort, 3e éd., p. 361.

Эти столь различные манифестации свидетельствовали о расхождении во взглядах среди инсургентов 4 сентября, ибо разногласия по вопросу о знамени по существу отражали резко враждебные друг другу идеологические установки и классовое положение манифестантов. И, действительно, хотя люди, совершившие революцию 4 сентября, были едины в своих политических выступлениях против империи, в социальном отношении этих людей разделяла глубокая пропасть.

Как и 25 февраля 1848 г., вопрос был разрешен в ратуше, куда Жюль Фавр увлек толпу, ворвавшуюся в Законодательный корпус. Народ уже заполнил площадь перед ратушей и само здание. Там были члены клубов, участники бланкистского выступления в Ла-Виллете и многие, вторгшиеся в Палату. Они пытались создать удобное им правительство. Лиссагарэ очень хорошо отмечает: «На парадном дворе трехцветное и красное знамя соперничали друг с другом под рукоплескания одних и свистки других»⁹.

Рабочие, взобравшись на вышку ратуши, были заняты заменой трехцветного знамени красным¹⁰. Вместо орла был уже водружен фригийский колпак¹¹. Как и в былое время, два лагеря противостояли друг другу. В течение нескольких часов республиканцы-социалисты были безраздельными хозяевами здания: лестницы, гостиные, тронный зал, окна, крыши — все было заполнено ими, и, по признанию самого Трошю, будущему правительству национальной обороны пришлось совещаться «в каморке», причем оно никак не могло прийти к решению о своем составе¹².

В тронном зале в разгар суматохи один гражданин вздумал размахивать трехцветным знаменем; толпа выразила свое неодобрение. Но в «каморке» Шельшер, Гамбетта стояли за трехцветное знамя. На каком основании? Об этом можно догадаться, и правильное решение нам подсказывает Кларети, который, сообщив об этом факте, тотчас же добавляет: «Разве Седан может заставить нас забыть Жемман, Вальми, Арколе, всю былую славу? Трехцветное знамя остается знаменем Франции, погруженной в траур, точно так же, как оно было знаменем победоносной Франции»¹³.

Нет никаких сомнений, что приводились именно эти доводы. Народ, ошеломленный поражением, поддавался им легче, чем в 1848 г. И левым депутатам было хорошо известно, что Ламартин одержал свою победу над красным знаменем, играя на патриотической струне.

К тому же у нас есть еще свидетельство, в сильной степени подтверждающее слова Кларети: это — сообщение в «*Constitutionnel*» о событиях 4 сентября: «Горячие споры возникали в разных местах ратуши — в зале святого Иоанна, во дворе Людовика XIV и в тронном зале — по вопросу о знамени новой республики. Многие рабочие стояли за красное знамя, и несколько таких знамен было водружено на площади перед ратушей. Но г-да Гамбетта, Шельшер и несколько офицеров национальной гвардии восхваляли трехцветное знамя на том основании, что до сих пор оно вело нас к победе и может еще привести к ней. Они говорили, что это знамя было знаменем 92 и 93 годов, что это подлинно национальное знамя. Тут раздались возгласы: «Это знамя — ублюдок! Это цвет знамени Бурбонов». Им ответили: «Нет! Белый цвет был цветом знамени старой Франции». — «Это знамя замарано», — послышалось вновь. — «Ну что ж, мы его отмоем», — отвечали ораторы»¹⁴.

⁹ [H. P. O. Lissagaray]. *Histoire de la Commune de 1871*, éd. Dentu, p. 44.

¹⁰ Jules Simon. *Op. cit.*, p. 414.

¹¹ J. Claretie. *Op. cit.*, p. 232.

¹² *Histoire révolutionnaire contemporaine*, 1ère partie, p. 237.

¹³ J. Claretie. *Op. cit.*, t. I, p. 232.

¹⁴ Приведено в газете: «*Le Temps*», 6.IX 1870.

Ситуация была «поразительно аналогична» ситуации 25 февраля 1848 г. Это определение принадлежит генералу Тропшу: оно абсолютно точно¹⁵. И так же, как и тогда, немногого не хватало, чтобы красное знамя одержало верх над трехцветным. Гениальной идеей буржуазных республиканцев было посеять разлад среди республиканцев-социалистов неожиданным введением Рошфора в состав формирующегося правительства. Это был ловкий маневр наподобие диверсии Флокона в 48 году. Журналист вышел из тюрьмы Сент-Пелажи с красным бантом в петлице, «обвитый красными лентами как столб с призом на народном гуляньи»¹⁶. Он был удушен Ферри и Гамбеттой в складках трехцветного знамени, по яркому выражению Валлеса¹⁷. Таким же образом Альбер и Луи Блан были одурочены в феврале 1848 г. завтрашними республиканцами. И на этот раз политики, выжидавшие в течение двух декад случая «вновь получить солидный оклад и галуны», смогли войти в правительство под рукоплескания наивного и добродушного народа.

После этого женщины могли сколько угодно украшать свои прически, а граждане свои петлицы красными гвоздиками, которые продавались цветочницами на всех бульварах¹⁸, все равно верх одержала буржуазия. И Виктор Гюго, приехав в Париж по возвращении из изгнания, нашел удовлетворительный ответ на тревожный вопрос, поставленный им в его записной книжке: «Трехцветное или красное знамя?»¹⁹

Похоже, что в эти роковые часы, когда народ-лев потягивался и выпрямлялся во весь свой рост перед лицом армий Фридриха-Вильгельма, он до некоторой степени стыдился развернуть свое знамя. Подтверждением этого служит тот факт, что вечером 4 сентября, когда рабочие Бельвиля, этого Авентинского холма Парижской революции, спускались с него, чтобы в знак радости посадить дерево вернувшей свою молодость свободы, их шествие возглавлялось трехцветным знаменем²⁰.

* * *

Лион занял 4 сентября более четкую позицию в отношении красного знамени. Немедленно после провозглашения республики в ратуше организовалась временная администрация, принявшая наименование Лионская коммуна. Одним из ее первых актов было водружение красного знамени на куполе здания муниципалитета. «Экзальтированным обитателям революционных кварталов, — писал Андриё, будущий префект полиции, а тогда прокурор республики в Лионе, — судьба республики представлялась неразрывно связанной с цветом знамени»²¹. Тот же свидетель рассказывает, что несколько дней спустя во дворе ратуши один национальный гвардеец, указывая ему на купол и потрясая ружьем, воскликнул: «Гражданин прокурор республики, помните, что первый, кто поднимется наверх, чтобы спустить красное знамя, сам будет спущен оттуда раньше него. Так нам приказано»²². Эта энергичная тирада свидетельствовала о настроении народа. Оно не было тайной для властей. Так как Коммуна не соглашалась покинуть ратушу, то представитель центрального правительства Шалемель-Лакур решил сманеврировать. Он не аннулировал постановления фактической власти, но и не распорядился спустить крас-

¹⁵ Histoire révolutionnaire contemporaine, 1ère partie, p. 238—239.

¹⁶ Henri Rochefort. Les aventures de ma vie, t. II. Paris, [1896], p. 200—201. Анри Фукье («Annales politiques et littéraires», 2e semestre de 1900, p. 169) утверждает, что колыска Рошфора была украшена трехцветным флагом, другие — что она была украшена красными флагами, Рошфор ничего не говорит по этому поводу.

¹⁷ J. Vallès. L'Insurgé. Paris, 1923, p. 193—194.

¹⁸ Journal des Goncourt, v. IV, p. 24.

¹⁹ «Candide», 24.IX 1936, p. 13.

²⁰ «La Cloche», 6.IX 1870.

²¹ Louis Andrieux. La Commune à Lyon en 1870 et 1871. Paris, 1906, p. 214.

²² Ibidem.

ный флаг из опасения беспорядков; и это несмотря на то, что он считал, что для «дураков» — членов Интернационала в Лионе — красное знамя означало «только вызов Республике и здравому смыслу»²³.

Один инцидент, происшедший 8 или 9 сентября, доказывает, что в первые дни Лионской революции сторонники красного знамени придавали ему исключительное значение. Он произошел на площади де ла Комеди и привел к столкновению роты фран-тиреров, с одной стороны, с гвардейцами, поддерживавшими Коммуну, — с другой. Когда последние увидели трехцветное знамя в руках лейтенанта фран-тиреров, они с враждебными криками бросились отнимать его. Началась схватка, в результате которой знамя со сломанным древком, но с неповрежденной материей удалось убрать в караульное помещение на площади Белькур, и, несмотря на требование прокурора Андриё, часовые отказались его выдать.

Подобные инциденты могли закончиться трагически, но, кажется, они больше не повторялись. В начале октября лионский корреспондент одной парижской газеты, указав, что, хотя большинство батальонов национальной гвардии признает красное знамя, некоторые, однако, пользуются трехцветным, добавлял: «Во всяком случае красные и трехцветные знамена существуют бок о бок без видимой враждебности»²⁴.

В это время Комитет общественного спасения вынужден был отступить на задний план до подтверждения всеобщим голосованием полномочий, полученных им явочным порядком. В одной афише он упоминал о «прежнем, потерпевшем поражение национальном знамени» и заявлял, что если немцы возьмут Париж, они натолкнутся в провинции на «знамя Коммуны и Федерации»²⁵. Что касается муниципального совета, избранного, равно как и префект, 15 сентября, то он не осмеливался убрать красное знамя с ратуши, тем более что во время манифестаций 19-го числа женщины несли его вместе с черными знаменами²⁶. Поэтому 24 сентября в афише, выпущенной муниципалитетом, говорилось: «Принимая во внимание, что 4 сентября перед лицом вторжения неприятеля во Францию Лион провозгласил отечество в опасности и водрузил знамя, символизирующее ее; принимая во внимание, что положение в настоящее время более угрожающее, чем когда бы то ни было, постановлено: знамя останется водруженным на ратуше, пока не минует опасность»²⁷. Это решение сохраняло красное знамя только временно и затушевывало его революционное значение, поэтому оставалась лазейка для компромисса, который, в действительности, и последовал.

* * *

4 сентября в Марселе, на площади Сен-Ферреоль, караульные солдаты, братавшиеся с народом, надели красные ленточки на свои кепи²⁸. Очень скоро в городе там и сям стали развеиваться красные знамена. Они исчезли только после распоряжения помощника мэра, республиканца Туреля, бывшего ссыльного, пользовавшегося большим влиянием на народ, а с другой стороны, благодаря вмешательству солдат генерала д'Ореля²⁹.

Этим крупным успехом красного знамени в великом средиземноморском порту, равно как и в Ницце, можно объяснить телеграмму от 5 сентября (5 ч. 50 м. вечера), посланную министром внутренних дел испол-

²³ Ibid., p. 109.

²⁴ G. Bourgin. La Commune dans les départements, p. 402—403.

²⁵ Louis Andrieux. Op. cit., p. 116.

²⁶ Ibid., p. 149, 154.

²⁷ Ibid., p. 210—211.

²⁸ «Le Temps», 8.IX 1870 (d'après le Sémaphore).

²⁹ A. Callet. Les origines de la Troisième République. Paris, 1921, p. 55.

няющему обязанности мэра в Марселе Бори. Она гласила: «Трехцветное знамя является знаменем нации; мы категорически запрещаем пользоваться любым другим: под трехцветным знаменем мы отбросим врага»³⁰.

Напрашивается мысль, что существует связь между этой депешей и телеграммой жандармского полковника в Ницце военному министру от 5-го, вечером, заканчивающейся словами: «Необходимо спешно разослать повсюду точные инструкции, в крайнем случае хотя бы одну, о том, что знаменем Франции является трехцветное знамя, а не красное. Царящее по этому поводу заблуждение, как я убедился, вызовет беспорядки. Необходимо срочно уведомить всех о правильном решении и тем самым поднять дух у многих»³¹.

В округе Монпелье молодые добровольцы-республиканцы города Сет устроили длившуюся несколько дней манифестацию с огромным красным знаменем. Она поставила в весьма невыгодное положение сторонников умеренной политики и начальника мобильной гвардии. На знамени, увенчанном фригийским колпаком, было начертано: «Добровольцы Сета, адская колонна». Его несли даже во время воскресной манифестации, прикрепив к одному углу трехцветное знамя. Кроме того, у жителей Сета были красные кокарды, а у некоторых — фригийские колпаки. Когда повстречавшаяся шестью конная жандармерия вознамерилась отнять знамя и колпаки, то началась стычка, закончившаяся поражением граждан Сета. После этого мобильная гвардия арестовала тех, у кого были красные кокарды³²; их защищал Жюль Гед, тогдашний главный редактор «Droits de l'Homme». Чтобы не подать какого-либо повода к насилиям со стороны реакции, красное знамя поместили на хранение в контору «Droits de l'Homme»³³.

В департаменте Воклюз в некоторых местах развевались красные знамена, и республиканскому префекту Пужаду не без труда удалось их убрать³⁴. В Шомоне народное знамя было водружено над префектурой, которую захватила толпа³⁵. 5 сентября в Сент-Этьене над окнами ратуши, в которой непрерывно заседал муниципальный совет, развевалось красное знамя³⁶. Оно снова появилось там 30 октября утром как эмблема сент-этьенской коммуны, вызвав негодование Огюста Колле, редактора местной реакционной газеты «Le Défenseur». Обращаясь к «здравомыслящим рабочим, которых вводят в заблуждение», Колле писал: «Не соглашайтесь ни в коем случае считать знаменем эту красную тряпку, красную только от французской крови. Сплотитесь вокруг трехцветного знамени, являющегося вот уже восемьдесят лет знаменем родины, знаменем первой республики и ее военной славы, знаменем наших свобод, славным знаменем, под сенью которого сражаются, страдают и умирают героические защитники Парижа»³⁷.

* * *

В течение всей осады Парижа национальные гвардейцы, большинство которых участвовало в создании Коммуны, действительно сражались под трехцветным знаменем. Они не забывали, однако, своего собственного знамени. Вдобавок Бланки, комментируя известие о водружении в Лионе «знамени трудящихся, которое столько раз уже спускали и снова поднимали», обещает поддерживать культ красного знамени. «Рабочие! —

³⁰ A. Callet. Op. cit., p. 81; «Le Temps», 9.IX 1870.

³¹ A. Callet. Op. cit., p. 73—74.

³² «Le Temps», 14.IX 1870, d'après «L'Union Nationale» (Montpellier).

³³ Compère-Morel Jules Guesde. Paris, 1937, p. 39—40.

³⁴ A. Callet. Op. cit., p. 68.

³⁵ Ibid., p. 77.

³⁶ Ibid., p. 71.

³⁷ Ibid., p. 316—317.

восклицает он.— Приветствуйте наш стяг, стяг будущего, стяг справедливости и равенства. Скольких врагов он возбуждает против себя! Сплотитесь на его защиту. В нем спасение»³⁸.

31 октября 1870 г. предместья были уже по горло сыты правительством бездарностей. Угрюмая толпа стекалась к ратуше. Знамена национальной гвардии были еще трехцветными, но надпись «Коммуна» на многих из них³⁹ достаточно красноречиво свидетельствовала, что синий и белый цвета сохраняются там только временно. «Journal des Débats» тех дней указывает, кроме того, что в момент захвата ратуши противниками правительства «один национальный гвардеец, взобравшийся на выступ первого этажа, размотал красный шарф и размахивал им перед толпой»⁴⁰.

Через день после неудавшегося восстания Гюстав Марото громогласно выражал свое негодование и потрясал перед дрожащими еще буржуа красным доскутом, символом отмщения пролетариев, находящихся в осажденном городе. Он называл его эмблемой мрачной армии голодных и предлагал всем «босьякам» объединиться под этим знаменем. Впервые благодаря Марото слова «красное знамя» становятся заголовком периодического издания⁴¹. Это знамение времени. Больше одного номера, правда, не вышло, но это название позаимствует в мае 1871 г. Рене Жирар для своей газетки, тоже эфемерной⁴². В дальнейшем не счесть газет рабочего класса на всех языках, в заголовке которых пылает развевающееся красное знамя.

3 ноября появляются новые симптомы, указывающие на успехи красного цвета: гражданки, числом около сотни, спускающиеся с высот Бельвиля для демонстрации на площади Ратуши, собираются под красным знаменем с надписью «Коммуна», а ворота мэрии Сен-Сюльпис задрапированы красным бархатом с золотой бахромой, указывая место, где находится бюро по записи добровольцев в национальную гвардию⁴³.

К озлоблению, вызванному поражением народа 31 октября, все более примешивается мысль о провозглашении Коммуны и в связи с этим о возрождении красного знамени. 20 декабря в клубе Революции, в Элизе-Монмартре, принимают постановление, что знаменем Коммуны, в торжестве которой уже не сомневаются, будет красное знамя. В тот же вечер в клубе, находящемся недалеко от клуба королевы Бланш, один оратор, подкрепляя свои доводы колоссальной эрудицией, восхваляет красный цвет, «цвет солнца, огня, природы и цивилизации», после чего доказывает, излагая на свой лад происхождение трехцветного знамени, что красный цвет — «естественный цвет Республики»⁴⁴. Эти речи и принятая резолюция ясно показывают растущее охлаждение к трехцветному знамени. Уже 4 сентября очень серьезным препятствием для восстановления этого знамени служил тот факт, что оно было знаменем Баденге: оно символизировало все бедствия и все бесчестие страны. Теперь оно представляло наряду с несчастьями и ужасами осады также покрытое позором правительство национальной измены. Поэтому 19 января, когда при известии о поражении при Бюзенвале вспыхивает возмущение и раздаются возгласы: «Да здравствует Коммуна», — на улицах появляются

³⁸ «La Patrie en Danger», 18.X 1870 (éd. C. Bouis, p. 143).

³⁹ J. Claretie. Op. cit., t. I, p. 330.

⁴⁰ «Le Temps», 2.XI 1870.

⁴¹ F. Maillard. Histoire des journaux publiés à Paris pendant le siège et sous la Commune, 4 septembre 1870 au 18 mai 1871. Paris, 1871, p. 364—365.

⁴² F. Maillard. Op. cit., p. 224; A. Gagnière. Histoire de la presse sous la Commune, Paris, 1872, p. 162—163.

⁴³ «La Vérité», éd. du soir, 4.XI 1870.

⁴⁴ G. de Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris. Paris, 1871, p. 167—168.

демонстранты с красным знаменем⁴⁵. 21 января для освобождения Гюстава Флуранса к мазаской тюрьме двинулась колонна национальных гвардейцев с красным знаменем; а 22-го с красными флажками, развевающимися над штыками «как хоругви», национальные гвардейцы 101-го батальона выстроились перед решеткой ратуши и разошлись только, когда их начали обстреливать⁴⁶.

Однако в конце февраля, когда Центральный комитет национальной гвардии, который станет душой восстания 18 марта, вырабатывал свою структуру и определял свои цели, он не провозгласил красное знамя символом объединения. Это, без сомнения, объясняется боязнью оттолкнуть от себя и заставить вступить на путь раскола множество батальонов, придерживавшихся умеренной политики: ведь он стремился объединить не только тех, кто страстно желал защищать Республику, но и «всех тех, кто в душе скорбит об изувеченной родине»⁴⁷. Даже 20 марта, в разгар деятельности Коммуны, в то время, когда ликующая после победы толпа выражала свою радость в манифестации на бульварах, одна рота национальной гвардии маршировала еще с развернутым бело-красным знаменем Центрального комитета⁴⁸.

Именно Центральный комитет был инициатором грандиозной манифестации 24 февраля на площади Бастилии. Париж, униженный и взбешенный сдачей, в течение нескольких дней дефилировал вокруг Июльской колонны. Некоторые батальоны несли еще трехцветные знамена, но многие из этих знамен были увенчаны красным колпаком, и вдобавок у национальных гвардейцев в петлицах были продеты «красные иммортели» или ленточки того же цвета⁴⁹. Это дало основание бланкисту Адольфу Брёйе заявить, обращаясь к капитулянтскому и консервативному правительству: «Вы можете отдать Эльзас и Лотарингию, убить III Республику, все равно, четвертая не за горами»⁵⁰.

Викторина Броше, зачисленная в 7-ю роту 17-го батальона в одном реакционном округе, рассказывает, что ее капитан хотел, когда она шла на манифестацию 26 февраля, продеть ей в петлицу синюю ленточку. Она отказалась, предпочтя красную. И несмотря на то, что она не считала значки свидетельством каких-либо убеждений, все же в результате этого инцидента она ушла из роты, показав тем самым, что она придавала больше значения вопросу о символах, чем можно было судить по ее словам⁵¹.

* * *

В конце февраля наступило время зловещего черного знамени и зародилась мысль, что следовало бы вывесить подобные знамена при вступлении пруссаков в столицу. Во всяком случае, на пьедестале Июльской колонны уже 24-го вечером было установлено черное знамя, которое «Rappel» приветствовал «как эмблему утешения и надежды и как сияние будущего, озаряющее траур настоящего»⁵². Благодаря инициативе доктора Бертийона, мэра V округа, национальные гвардейцы Пантеона подписывали обязательство идти на врага под сенью черного знамени, на

⁴⁵ J. Claretie. Op. cit., t. I, p. 519—522.

⁴⁶ Georges Bourgin. Les premières journées de la Commune. Paris, 1922, p. 29.

⁴⁷ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, t. III, p. 29 (Rapport d'Arnold).

⁴⁸ A. de Balathier-Bragelonne. Paris insurgé, 1872, p. 58 (d'après «Paris — Journal»).

⁴⁹ «Le Cri du Peuple», 26.II 1871.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Victorine B. Souvenirs d'une morte vivante. Paris, 1909, p. 178.

⁵² Jules Claretie. Op. cit., t. I, p. 584.

котором было начертано «Страсбург, Туль и Шатоден»⁵³. Черные знамена были выставлены в одном книжном магазине на улице Гренелль Сен-Жермен с нашитым на них красным крестом⁵⁴.

Газетам, верным Трошю, было, вероятно, выгодно отвлечь протестующие массы от красного знамени, всеобщего распространения которого они так опасались. Поэтому они, забегая вперед, писали, что при претерпеваемых в настоящее время «общественных бедствиях» единственно подходящим является черное знамя — «символ траура и покаяния». Вермерш удачно выпел из положения, ответив просто: «Полюбуйтесь на наш дух противоречия. Мы не согласимся даже на красное знамя с черной полосой»⁵⁵.

Действительно, идти против течения было бы напрасным трудом. Иногда появляются непреодолимые порывы, и благоразумнее всего дать им пройти. Поэтому 1 марта, когда прусские войска вошли в Париж, окна были убраны черными знаменами, свидетельствовавшими так же, как и закрытые лавки и пустынные улицы, о скорби и унижении парижан, а на баррикаду на улице дез-Акасна на Монмартрском холме был наброшен кусок черной материи⁵⁶. Газета Рошфора писала об этом дне: «Начиная с авеню Великой Армии и до площади Согласия взорам пруссаков представлялось множество черных флагов, вывешенных в окнах.

Столь мрачным образом был разукрашен не только квартал, где расположились оккупанты. На противоположном конце города громадная полоса черного креста колыхалась меж двух колонн у входа на площадь Барьер-дю-трон.

...Все мэрии вывесили в знак траура черное знамя. Только одна не нашла нужным присоединиться к этому общему порыву... Это — парижская мэрия»⁵⁷.

В последующие дни у некоторых батальонов из числа дефилировавших на площади Бастилии на остриях штыков были наколоты черные флажки, такие же, как вывешенные ранее у окон. Жюль Валлес, неотвязно преследуемый историческими воспоминаниями, задавал себе вопрос: не отрекутся ли под этим тлетворным влиянием «парии Роны», сыновья лионских ткачей 1831 и 1834 гг., от своего красного знамени, чтобы заменить его черным⁵⁸.

Они именно так и поступили, подчинившись решению лионского муниципального совета! Подготавливалось это исподволь, целым рядом маневров, которые должны были в конечном итоге привести к восстановлению трехцветного знамени. Уже 14 февраля Бенуа предложил муниципалитету «заменить красный флаг национальным», а первый хранить в городском архиве. В ответ Бароде выразил пожелание, чтобы оба знамени развевались на ратуше рядом. Вслед за этим было решено отложить рассмотрение вопроса. Но несколько позднее, когда согласие Национального собрания на предварительные условия мира и те жертвы, на которые должна была пойти вследствие этого страна, вынудили Совет прервать в знак траура свои заседания, момент показался помощнику мэра Бароде благоприятным, чтобы убрать красный флаг, подсластив пилюлю. Он сам впоследствии сравнил составленное им постановление с громоотводом, «необходимым, чтобы разрядить электричество, накопившееся в народе, и предотвратить грозу»⁵⁹. Постановление гласило:

⁵³ Georges Duveau. Le siège de Paris, p. 77.

⁵⁴ «Le Cri du Peuple», 25.II 1871.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ A. de Balathier-Bragelonne. Op. cit., p. 3 (D'après «Paris — Journal»).

⁵⁷ «Le Mot d'Ordre», 4.III 1871.

⁵⁸ «Le Cri du Peuple», 4.III 1871.

⁵⁹ Louis Andrieux. Op. cit., p. 211.

«Муниципальный совет,

[Принимая во внимание свое решение от 24 сентября 1870 г. и афишу относительно красного знамени Лионской коммуны, расклеенную в городе в тот же день;]

Принимая во внимание согласие Собрания, заседающего в Бордо, на предварительные условия мира;

Принимая во внимание, что жертвы и унижения, от которых намеревались уберечь Францию, в настоящее время уже постигли ее и что осуществление патриотических надежд, эмблемой которых было красное знамя, отложено вследствие мирного договора до лучших времен;

Принимая, кроме того, во внимание, что было бы разумно устранить все, что может послужить под тем или иным предлогом поводом для разногласий среди тех, кто искренне хочет учреждения республики;

Постановляет:

Статья 1-я. Гордое знамя, символ «Отечества в опасности и сопротивления до последней капли крови», несовместимо с унижением Франции; красное знамя Лионской коммуны перестанет с 3 марта развеваться над куполом ратуши.

Статья 2-я. В течение трех дней на балконе ратуши будет висеть черное знамя в знак траура по изувеченной родине»⁶⁰.

Это постановление от 3 марта, подписанное мэром Эноном, было расклеено по городу. Надо думать, что составлено оно было искусно, раз оно не вызвало никаких инцидентов. И если верить одному свидетельству, то уже на следующий день трехцветное знамя вновь появилось после шестимесячного отсутствия над зданием муниципалитета⁶¹.

* * *

Мода на черный цвет длилась недолго. В Париже красный цвет и красное знамя не замедлили появиться у подножья и на верхушке Июльской колонны. Она была обвита трехцветными флагами с бантами из черного крепа попеременно с огромными венками из иммортелей; а на верхушке гений Свободы был увенчан красным знаменем и опоясан огромным шарфом того же цвета с развевающимися концами двух-трех метров длины. Эта работа была проделана 25 февраля и смогла быть осуществлена благодаря храбрости стоявшего на часах у колонны капрала Роллана⁶². Этот акт глубокой преданности революции свидетельствовал о лихорадке, охватившей Париж. Он доказывал, по словам Анри Пласа (псевдоним журналиста Верле), что «старые революционные дрожжи» бродили в народе, и Брёйе выражал уверенность, что теперь разглагольствования какого-нибудь нового Ламартина звучали бы впустую, ибо время «прекрасных фраз» миновало⁶³. Хотя Анри Плас уточняет, что знамя «страданий и нужды» было водружено не в качестве угрозы, но в качестве предупреждения⁶⁴, власти расценили этот жест как вызов. Морской министр предложил матросу корабля «Савойя» Пьеру Сантийану заменить красное знамя трехцветным. Сантийан согласился, пригласил двух товарищей сопровождать его и 7 марта, рискуя жизнью, два раза поднимался на верхушку колонны. С трудом удалось ему сбросить на землю красное знамя 199-го батальона национальной гвардии и водрузить на его место национальный флаг. Но тут его постигла неудача: как раз в этот момент

⁶⁰ Les murailles politiques françaises. La Guerre. La Commune, t. 1, p. 982. Часть, заключенная в квадратные скобки, не воспроизведена у Андриё. (См.: L. Andrieux. Op. cit., p. 212).

⁶¹ Louis Andrieux. Op. cit., p. 213—214.

⁶² A. de Balathier-Brageionne. Paris insurgé, p. 11; Victorine B. Op. cit. p. 180.

⁶³ «Le Cri du Peuple», 5; 6.III 1871.

⁶⁴ «Le Cri du Peuple», 6.III 1871.

наблюдавшие за ним национальные гвардейцы решили вмешаться. Один из них с револьвером в руках потребовал от матросов, чтобы они немедленно убрали ненавистный флаг. Матросы протестовали, пытались упорствовать. В конце концов их арестовали. И тогда начальнику поста, добровольцу Ландрие, пришла в голову мысль заставить их самих в наказание вернуть красное знамя на прежнее место. Сентийан согласился и на следующий день, 8 марта, должен был снова подвергнуться опасности, чтобы проделать в обратном порядке то, что он сделал вчера. Это засвидетельствовано заявлением за его подписью и с печатью Федерации национальной гвардии. Оно было опубликовано в журнале «Père Duchêne», который тогда только что начал выходить⁶⁵.

Легко понять, что «торговец печами» (так называл себя «Père Duchêne») поздравлял «бравых парней», которые бдительно охраняли народное знамя, и метал гром и молнии против «мерзавцев», хотевших его сбросить. Уже накануне он бичевал в своей газете «всех шутов реакции», ведущих себя при виде красного знамени «подобно быкам», и указывал, что знамя на площади Бастилии вызывает «бешеную злобу у католикомонархических газет», в то время, как лионское знамя сеет ужас «во всех кротовых норах, где плетутся заговоры против Республики»⁶⁶. В резких и откровенных выражениях он разъяряет, почему он против «трехцветной тряпки», с которой, за неимением белого знамени, мирятся «мерзавцы-попы»: «Мы не хотим больше лживого знамени ваших постыдных — называющих себя честными и умеренными — республик, этого знамени, под сенью которого болтали и потягивали винцо толстопузые буржуа Луи-Филиппа, под сенью которого кутили и устраивали массовую резню солдаты Декабря.

Мы не хотим тебя, знамя, знамя улицы Трансноппен, знамя Ментоны, знамя Рикамари, знамя Седана! Если знамя нации покрыло себя подобным позором, то нужно сделать его из нового материала и изменить его цвет!

Надо, чтобы красное знамя, красное только от пролитой реакционерами крови народа, заменило то знамя, где кровь Гоша была забрызгана раздробленными мозгами горячков Крезе и замарана плеватками Файи, Фроссара и Базена»⁶⁷.

Но, по всей вероятности, знамя, вновь водруженное на колонне, было плохо прикреплено, так как при первом же порыве ветра оно упало и «подобно огненной птице прокатилось с одного конца площади Бастилии до другого, чтобы успокоиться на своей родной земле, в славном Сент-Антуанском предместье. Капрал Роллан вынужден был вновь водрузить его на плечах гения Бастилии, где на этот раз оно удержалось»⁶⁸.

Эти инциденты, в которых красное знамя одерживало верх, свидетельствуют, что у народного знамени 48-го года вновь появились горячие приверженцы.

* * *

В тот самый день, когда красное знамя сняли с Июльской колонны, в Национальном собрании, заседавшем в Бордо, начались любопытные прения по его поводу. Речь шла о проверке депутатских полномочий от департамента Воклюз⁶⁹. После того как докладчик Гаслонд заклеил позором появление во время выборов «гнусного красного знамени, символа анархии», взяли слово несколько ораторов и в том числе ярый леги

⁶⁵ Jules Claretie. Op. cit., t. I, p. 584—585; «Le Cri du Peuple», 10.III 1871; «Le Père Duchêne», N 1, p. 8 (16 Ventôse an 79).

⁶⁶ «Le Père Duchêne», N 1, p. 8 (16 Ventôse an 79).

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ «Le Père Duchêne», N 5, p. 8 (20 Ventôse an 79).

⁶⁹ «Journal officiel», 11.III 1871.

тимист Одран де Кердрель. Он расценивал факт водружения указанной эмблемы как «неоспоримый знак брожения умов» и счел своим долгом воспользоваться случаем, чтобы заклеить, в свою очередь, от имени всего Собрания «перед лицом Франции и целого мира кровавую тряпку, именуемую красным знаменем». При этих словах на многих скамьях раздались аплодисменты. Но на левой стороне, где заседали люди, относившиеся с явной благосклонностью к красному знамени, как-то: Феликс Пиа, Тридон, Малон, Мильер, Гамбон, — поднялся ропот. По словам Жюль Кларети, Гамбон воскликнул: «Трехцветное знамя вывалилось в грязи в Седане».

Это восклицание, как легко догадаться, вызвало некоторый шум. Оратор на трибуне ловко использовал его, чтобы припереть к стенке депутатов левой фракции, которые, надо признаться, не блистали храбростью. Вот, впрочем, выдержка из стенографического отчета:

Г. Одран де Кердрель... Найдется ли здесь защитник красного знамени? Я ему уступаю трибуну! (прекрасно! прекрасно!). Не нашлось ни одного, и я горд за Собрание (Горячие и многочисленные возгласы одобрения). В то время, как граждане всех званий, всех состояний, всех партий почитали за честь... (Возглас слева).

Г. Пейра (посреди шума). О ком вы говорите? К кому вы обращаетесь?

Г. Одран де Кердрель. Господин председатель, соблаговолите представить слово тому, кто прервал мою речь; я не имею чести его знать.

Г. Пейра. Я утверждаю, что знамя, о котором вы говорите, не наше знамя.

Голос с правых скамей. Не надо было его водружать (Движение на левых скамьях).

Г. Одран де Кердрель. Мой уважаемый коллега заводит со мной спор без всякого основания. Я только что констатировал, что, по-видимому, красное знамя здесь никем не защищается.

Голос слева. Тогда не говорите о нем.

Г-н председатель. Будьте любезны продолжать, господин де Кердрель.

Г. Альфонс Жан, обращаясь к г-ну де Кердрелю. Я взываю к вашей порядочности, честно ли с вашей стороны вечно ставить нам в укор это знамя? Говорите, наконец, о наших выборах».

Оратор, не останавливаясь на этом инциденте, продолжает свою речь, но все же опять подчеркивает, что в собрании «нет ни одного сторонника красного знамени». На следующий день, взяв слово по поводу протокола, он снова возвращается к этому вопросу:

«Читая сегодня утром «Le Moniteur», я обнаружил там сообщение исключительной важности. Вчера мы все поздравляли друг друга с тем, что у красного знамени не нашлось здесь ни одного защитника... Один член этого Собрания, как свидетельствует «Moniteur», сказал — слушайте внимательно, господа: «Ваше трехцветное знамя вывалилось в грязи в Седане».

Депутат левой. Нет, этого не было сказано. Было сказано: «Есть два трехцветных знамени!»

Г. Одран де Кердрель. Прошу прощения, в «Moniteur» определенно говорится: «Ваше трехцветное знамя вывалилось в грязи в Седане». Я полагаю, что трехцветное знамя — знамя всего народа. Но во всяком случае, если кому-нибудь пришла в голову злополучная мысль произнести эти слова, оскорбительные для знамени, которое стало нам еще дороже после испытанных им несчастий, то я заклинаю этого человека назвать себя (Возгласы). В данном случае сокрытие имени — явление настолько приискорбное, что допустить его нельзя. Кто-нибудь обязательно должен нести ответственность за столь многозначительные высказывания.

Несколько голосов. Правильно!

Г. Огран де Кердрель. Я заявляю, что, с моральной точки зрения, протокол нельзя считать абсолютно верным, если под этими словами — характеризовать их я не хочу — не будет стоять чья-либо подпись»⁷⁰.

Несмотря на настояния или, вернее, требования депутата от Морбигана, никто из крайне левых депутатов не осмелился откровенно выступить в защиту красного знамени. Членам парламента и буржуа оставалось только констатировать эту увертку.

* * *

Тот факт, что красное знамя, несмотря на все, развевалось у ворот старого повстанческого предместья, порождало беспокойство у правящих кругов и надежду у тех, кем они правили.

«Впервые с 1848 г., — как совершенно справедливо замечает Лиссагарэ, — знамя равенства осенило эту площадь, еще более красную, чем оно само, от крови тысяч мучеников»⁷¹. Оно снова завоевало улицу; еще один шаг, и оно господствовало бы над всем городом.

Валлес, бывший вместе с Тридоном одним из составителей знаменитой Красной афиши (5 января 1871 г.), специально напечатанной на бумаге красного цвета, прекрасно сознавал это. Но его одолевали мрачные предчувствия, и он был не одинок в этом отношении. Под влиянием обрушившегося бесчестия парижане ожесточились, и это грозило бедой. Ответственные лица, заседавшие в Ля Кордери, боялись, что малейший инцидент может вызвать «выступления врагов Революции»: они полагали, что правительство может повторить июньские дни, что социальные требования могут быть потоплены в крови. И так как они знали, что в 1848 г. властям удалось осуществить свои намерения, оттолкнув мелкую буржуазию от пролетариата, устранив ее призраком красного знамени, то водружение рабочего знамени на площади Бастилии казалось им несвоевременным поступком, чреватом опасностями. Само собой разумеется, они не могли дезавуировать этот поступок, они ни в коем случае не собирались отказываться от красного знамени, но гнусные слухи, распространявшиеся в провинции, кампания консервативных журналов, вопивших о грабежах, о мятежах и убийствах, и в особенности непрерывный приток войск в город, где находилось еще 300 тыс. национальных гвардейцев, постоянно возбуждали у них тревогу.

Воззвание к армии, принятое 10 марта делегатами парижской национальной гвардии на собрании в Воксхолле, решительно клеймит людей, которые, «организовав поражение», «хотя бы избежать ответственности за подстрекательство к гражданской войне»⁷². Появившаяся за два дня до воззвания статья Валлеса о красном знамени в «Le Cri du Peuple» написана в том же тоне⁷³. Но Валлес идет дальше. Подражая лионцам, которые, чтобы сплотить ряды республики перед лицом опасности, спустили красное знамя и заменили его черным, он приветствует объединение вокруг этого символа, как нейтрального. Однако эта позиция, продиктованная исключительной серьезностью положения, долго не просуществовала. 18 марта, в день торжества федератов, означавший победу трудящихся, Валлес вместе с другими журналистами восторженно приветствовал водружение красного знамени. Это был тот момент, когда, согласно хорошо известному выражению Маркса, старый мир «корчился от беспечества» при виде знамени труда, развевающегося над ратушей.

⁷⁰ «Journal officiel», 12.III 1871.

⁷¹ H. P. O. Lissagaray. Op. cit., p. 88.

⁷² Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, t. III. Pièces justificatives, p. 34.

⁷³ «Cri du Peuple», 8.III 1871.

Несколько голосов. Правильно!

Г. Одран де Кердрель. Я заявляю, что, с моральной точки зрения, протокол нельзя считать абсолютно верным, если под этими словами — характеризовать их я не хочу — не будет стоять чья-либо подпись»⁷⁰.

Несмотря на настояния или, вернее, требования депутата от Морбигана, никто из крайне левых депутатов не осмелился откровенно выступить в защиту красного знамени. Членам парламента и буржуа оставалось только констатировать эту увертку.

* * *

Тот факт, что красное знамя, несмотря на все, развевалось у ворот старого повстанческого предместья, порождало беспокойство у правящих кругов и надежду у тех, кем они правили.

«Впервые с 1848 г., — как совершенно справедливо замечает Лиссагар, — знамя равенства осенило эту площадь, еще более красную, чем оно само, от крови тысяч мучеников»⁷¹. Оно снова завоевало улицу; еще один шаг, и оно господствовало бы над всем городом.

Валлес, бывший вместе с Тридоном одним из составителей знаменитой Красной афиши (5 января 1871 г.), специально напечатанной на бумаге красного цвета, прекрасно сознавал это. Но его одолевали мрачные предчувствия, и он был не одинок в этом отношении. Под влиянием обрушившегося бесчестия парижане ожесточились, и это грозило бедой. Ответственные лица, заседавшие в Ля Кордери, боялись, что малейший инцидент может вызвать «выступления врагов Революции»: они полагали, что правительство может повторить июньские дни, что социальные требования могут быть потоплены в крови. И так как они знали, что в 1848 г. властям удалось осуществить свои намерения, оттолкнув мелкую буржуазию от пролетариата, устранив ее призраком красного знамени, то водружение рабочего знамени на площади Бастилии казалось им несвоевременным поступком, чреватом опасностями. Само собой разумеется, они не могли дезавуировать этот поступок, они ни в коем случае не собирались отказываться от красного знамени, но гнусные слухи, распространившиеся в провинции, кампания консервативных журналов, вопивших о грабежах, о мятежах и убийствах, и в особенности непрерывный приток войск в город, где находилось еще 300 тыс. национальных гвардейцев, постоянно возбуждали у них тревогу.

Воззвание к армии, принятое 10 марта делегатами парижской национальной гвардии на собрании в Воксхолле, решительно клеймит людей, которые, «организовав поражение», «хотя бы избежать ответственности за подстрекательство к гражданской войне»⁷². Появившаяся за два дня до воззвания статья Валлеса о красном знамени в «Le Cri du Peuple» написана в том же тоне⁷³. Но Валлес идет дальше. Подражая лионцам, которые, чтобы сплотить ряды республики перед лицом опасности, спустили красное знамя и заменили его черным, он приветствует объединение вокруг этого символа, как нейтрального. Однако эта позиция, продиктованная исключительной серьезностью положения, долго не просуществовала. 18 марта, в день торжества федератов, означавший победу трудящихся, Валлес вместе с другими журналистами восторженно приветствовал водружение красного знамени. Это был тот момент, когда, согласно хорошо известному выражению Маркса, старый мир «корчился от бешенства» при виде знамени труда, развевающегося над ратушей.

⁷⁰ «Journal officiel», 12.III 1871.

⁷¹ H. P. O. Lissagaray. Op. cit., p. 88.

⁷² Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, t. III. Pièces justificatives, p. 34.

⁷³ «Cri du Peuple», 8.III 1871.